

В ТИСКАХ ЧУЖОГО ВЫБОРА

Светослава Левкой

18+

Светослава Левкой

В тисках чужого выбора

«Автор»

2026

Левкой С.

В тисках чужого выбора / С. Левкой — «Автор», 2026

Вера была уверена: она наконец счастлива. Пока не услышала за дверью кабинета то, что изменило всё. Брак по расчёту, чужие условия, чужой выбор — и мужчина, за фасадом идеального мужа которого может скрываться что угодно: и предательство, и настоящая любовь. Сможет ли она снова довериться тому, кто уже однажды солгал?

© Левкой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Её тиски. Глава 1	5
Её тиски. Глава 2	7
Её тиски. Глава 3	9
Её тиски. Глава 4	10
Её тиски. Глава 5	11
Её тиски. Глава 6	12
Её тиски. Глава 7	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Светослава Левкой

В тисках чужого выбора

Её тиски. Глава 1

Вера просыпается раньше будильника — так случается почти каждое утро, будто внутри у неё свой, отдельный от мира отсчёт времени. Она лежит немного, не открывая глаз до конца, привыкая к свету, а потом поворачивается на бок и смотрит на мужа.

Никита спит так, как спят люди, которых даже во сне не отпускают цифры, сметы, отчёты и совещания: разметавшись, приоткрыв рот, одна рука закинута за голову, другая — поверх одеяла, и на этой руке чуть подрагивают пальцы, будто он что-то ловит в своём сне. Вера смотрит на него и улыбается — без причины, просто так, потому что хорошо. Трогает взглядом хмурую морщинку между бровей, которая появляется у него даже во сне — он и во сне о чём-то беспокоится, этот вечный отличник, вечный сын своего отца. Ей хочется разгладить её пальцем, но она не решается — боится разбудить.

Тело ещё помнит ту ночь — то, как он притягивал её к себе в темноте, как безошибочно знал, где и как коснуться, чтобы у неё перехватывало дыхание. Воспоминание разливается по коже тёплой волной, и она невольно улыбается шире, на секунду прикрыв глаза, будто пытаясь удержать это ощущение ещё немного.

«Папа, ты был прав», — думает она вдруг, без всякого повода, просто потому что мысль приходит сама. Отец никогда не ошибался в людях. Даже в последний свой месяц, уже слабый, уже почти прозрачный, он нашёл в себе силы сказать ей: «Присмотришься к Никите». Она тогда кивнула, чтобы не спорить с умирающим, а вышло — как в воду глядел.

Она тихо выскальзывает из-под одеяла и спускается на первый этаж.

На кухне прохладно и тихо — та особая утренняя тишина, в которой слышно, как капает вода из крана, если не завернуть до конца. Вера включает плиту, достаёт творог, яйца, муку — руки делают всё сами, привычно, без участия головы. Сырники — его любимые, и она давно перестала об этом думать как об усилии: просто знает рецепт наизусть, как знают дорогу домой.

Она уже представляет, как он спустится — сонный, взъерошенный, обязательно потянется первым делом не к ней, а к кофе, а уже потом, во второй заход, обнимет её сзади, ткнётся носом в шею и скажет: «Пахнет счастьем». Сколько бы раз это ни повторялось, столько любви в этом.

Сырники подрумяниваются партиями, и с каждой новой она поглядывает на часы. Он не спускается. Обычно он либо уже был внизу к этому времени, либо она слышала шум душа наверху — а сейчас нет ни того, ни другого.

«Опять уснул с телефоном в руках и теперь роется в почте», — думает она без всякой тревоги, скорее с лёгким, привычным раздражением — тем самым, которое бывает только у людей, давно и спокойно живущих вместе. Она снимает последнюю партию сырников, накрывает тарелку полотенцем, чтобы не остыли, и идёт наверх.

Спальня пуста, кровать смята с его стороны. В ванной — тихо. Вера стоит секунду в коридоре, прислушиваясь, и улавливает голоса откуда-то снизу, со стороны кабинета свёкра.

Она спускается, уже без всякой задней мысли — просто идёт позвать обоих к столу, вот и всё. За дверью кабинета звучат два голоса, и один из них, на повышенных тонах, точно принадлежит Никите. Она даже улыбается про себя: наверное, опять спорят о делах компании в такую рань, вечно эти двое находят время для работы даже за завтраком.

Она толкает приоткрытую дверь и уже открывает рот, чтобы сказать «сырники стынут» — губы уже сложились в первый звук, рука ещё на дверной ручке, — когда голос мужа дого-

варивает фразу, и слова входят в неё, как входит холодный воздух в лёгкие зимой — резко, до озноба:

— Я был вынужден жениться не на той, которую люблю, — потому что ты поставил такие условия ради наследства!

Недосказанное «сырники стынут» так и остаётся только мыслью, забытой, ненужной. Рука на ручке двери не двигается — ни вперёд, ни назад, будто тело раньше разума поняло: сделать сейчас шаг в любую сторону — уже нельзя.

Мужчины, будто почувствовав за спиной чужое присутствие — а может, услышав, как замер на пороге её шаг, — оборачиваются оба разом.

Три пары глаз встречаются в полной тишине.

Она не помнит, как оказывается на лестнице. Не чувствует ступеней под ногами, не помнит, держится ли за перила. В голове ни одной мысли — только гул, плотный и бесформенный, как будто кто-то одним движением выключил звук во всём доме. Она приходит в себя уже у окна в спальне, не понимая толком, сколько прошло времени — секунды или минуты.

Первая мысль, которая возвращается к ней, — не про Никиту, не про наследство и не про его отца. Первая мысль — про большой самообман: «Пять минут назад я думала, что безмерно счастлива».

Становится так стыдно, будто её застали за чем-то постыдным.

«Присмотрись к Никите», — сказал ей отец перед смертью. Теперь эта фраза отдаётся совсем другим эхом. Может быть, отец и правда не ошибся в человеке — просто она не слышала интонацию.

Она слышит быстрые шаги на лестнице — Никита. Он влетает в спальню, тяжело дыша, будто бежал, а не шёл, и останавливается в паре шагов от неё, не решаясь подойти ближе.

— Вера, послушай, это не... — он не договаривает, начинает заново: — Ты не так поняла, я имел в виду совсем другое, я...

Он путается, обрывает фразы на середине, как будто слова, которые так легко были произнесены отцу пару минут назад, сейчас разбегаются от него в разные стороны. Она смотрит не на него — на своё отражение в стекле окна.

— Не волнуйся, — говорит она наконец, тихо и очень ровно. — Ты не потеряешь своё наследство. Но прежней жизни, как раньше, между нами больше не будет.

В голосе нет ни истерики, ни крика — только холод, за которым угадывается что-то ещё более тяжёлое, чем гнев: разочарование, не имеющее дна.

Никита молчит. Вероятно, сказать нечего. Она слышит удаляющиеся шаги. Хлопает входная дверь этажом ниже, потом звук мотора за окном, отдаляющийся, пока не стихает совсем.

Вера так и остаётся стоять лицом к окну, где всё ещё по-утреннему светло и совершенно, оскорбительно обыкновенно. Она не плачет. Внутри пусто — так пусто, будто вся она, до последней капли, ушла в те несколько слов у окна, а на то, чтобы чувствовать что-то ещё, сил уже не осталось.

Её тиски. Глава 2

В дверь стучат — легко, почти не требуя ответа. Марина Аркадьевна заходит в комнату Веры и аккуратно прикрывает за собой дверь.

Вера понимает, что это свекровь. Она одна из немногих, кто по-настоящему стала ей другом и родным человеком в этой семье.

Марина Аркадьевна садится на край кровати — не нависает, не давит взглядом. Вера продолжает стоять у окна.

Свекровь начинает не с утешений, а с прямоты:

— Я не буду говорить тебе, что всё наладится, и не буду делать вид, что ничего не произошло. Но я прошу тебя об одном — пожалуйста, не принимай сейчас никаких решений. Жизнь редко бывает такой простой, какой кажется сразу после удара.

Вера реагирует не сразу — молчание, взгляд в сторону. Свекровь продолжает, мягче:

— Возможно, потому что я знаю, что такое учиться жить с тем, что досталось не по своему выбору.

Короткая пауза, взгляд, который на секунду становится дальше, чем просто «сейчас», прежде чем она возвращается к теме:

— Из этого можно даже извлечь для себя пользу — если знать, как. Не уходом сгоряча, а... по-другому. Дай себе время, прежде чем решать, что делать дальше.

Марина Аркадьевна поднимается, коротко бросает — уже другим, будничным тоном, будто ставя точку на серьёзном разговоре:

— Одевайся. Едем в город, тебе нужно развеяться.

Вера не спорит — сейчас ей легче подчиниться чужому решению, чем формулировать своё.

В машине она молчит, смотрит в окно, отвечает односложно. Свекровь не пытается разговаривать её напрямую — вместо этого начинает рассказывать что-то заведомо постороннее и слишком подробное: длинную историю про новую коллекцию в бутике, куда они едут, про дизайнера, с которым сегодня «случайно» пересекутся. Говорит чуть более оживлённо, чем того требует тема — с явным нажимом на лёгкость.

Вера понимает: свекровь специально уводит её мысли в сторону, не давая заикнуться, и за это — за эту очевидную, неприкрытую заботу — испытывает мимолётную благодарность, первую тёплую эмоцию за последние несколько часов.

Они заходят в один бутик за другим — свекровь явно наслаждается ролью, ведёт себя не как спасательница, а просто как женщина, которая любит хороший шопинг. Покупает Вере одну вещь за другой, почти не спрашивая мнения, будто заранее знает, что та откажется, если дать время подумать.

В одном из бутиков их встречает чрезмерно услужливая консультантка — сыплет комплиментами через фразу, о любой вещи говорит одно и то же: «это просто создано для вас». Марина Аркадьевна кивает, благодарит, покорно принимает очередной отрез шёлка на прогляд — а когда девушка наконец отходит за следующим размером, наклоняется к Вере и тихо, одними губами роняет:

— Ещё один комплимент — и мне придётся начать платить ей за актёрское мастерство отдельно.

Вера смеётся — неожиданно для себя, в голос, впервые за день.

И тут же — короткий укол. Смех обрывается сам собой, будто она вспомнила, что не имеет на него права. Взгляд на секунду тускнеет, она отворачивается к вешалке с одеждой, делая вид, что что-то там разглядывает.

Марина Аркадьевна, кажется, замечает эту перемену, но не комментирует — просто берёт с полки что-то новое и как ни в чём не бывало продолжает:

— Так, а вот это тебе точно нужно примерить.

Последний магазин за день встречает их приглушённым светом и тишиной — никакой суеты предыдущих бутиков. Марина Аркадьевна сама, без вопросов, начинает выбирать — снимает с вешалок то, что откровенно красиво, не спрашивая размер или предпочтения Веры, будто знает наперёд.

Вера смущена — непривычно, что кто-то выбирает для неё такие вещи, да ещё в такой день. Пытается отказаться:

— Марина Аркадьевна, не нужно, правда, — говорит она, чуть отступая от вешалки. — Мне сейчас точно не до этого.

Свекровь, будто не услышав, продолжает перебирать вещи. Вера повторяет твёрже, почти прося:

— Пожалуйста, не сейчас. Давайте в другой раз.

Только теперь свекровь останавливается, поворачивается к ней, и голос её становится серьёзнее, без прежней лёгкости:

— Я понимаю, что близости между вами сейчас быть не может. Я не прошу тебя носить это для него. Делай это для себя, для своего настроения, чтобы всегда помнить, какая ты красивая и привлекательная.

Повисает пауза — Вера молчит, не находя, что ответить. В этой тишине — не отторжение, а что-то вроде первого, едва уловимого сдвига: слова попадают точно туда, куда были направлены. Она коротко кивает — не благодарностью на словах, а именно жестом, — и позволяет свекрови довести дело до примерочной.

Они выходят из магазина в ступающие сумерки — день закончился быстрее, чем Вера ожидала. В машине, по дороге домой, она молчит, но это уже другое молчание, не такое, как было утром — не оглушение, а что-то похожее на затишье после того, как эмоции наконец нашли, куда себя деть.

Она смотрит на пакеты на заднем сиденье — на всё то, что купила ей за этот день свекровь — и ловит себя на мысли о том, что она имеет право носить красивое бельё, смеяться над нелепой шляпой, злиться, обижаться — быть живой, а не только пострадавшей стороной чужого решения.

Это не облегчение — облегчения пока и близко нет. Но это первая мысль за день, которая принадлежит по-настоящему ей, а не тому, что случилось с ней.

Она поворачивает голову к окну и, кажется, впервые за день не пытается сдержать выступившие на глазах слёзы.

Её тиски. Глава 3

Вера стоит перед зеркалом в ванной, разглядывая себя в новом белье. Не любуясь — скорее проверяя, работает ли то, о чём говорила свекровь. Кружево ложится безупречно, линия белья подчёркивает изгиб талии и бёдер, — но чувствует ли она себя от этого хоть немного собой прежней, той, что была до сегодняшнего утра?

Внизу хлопает входная дверь. Шаги на лестнице — уверенные, знакомые до автоматизма.

Она возвращает взгляд к зеркалу и прислушивается. Шаги входят в спальню — и звук вдруг обрывается. Пауза затягивается дольше, чем требуется, чтобы просто снять пиджак и повесить его на спинку стула.

Вера позволяет себе улыбнуться уголком губ.

Час назад, укладывая последнюю подушку в ровный ряд посередине кровати, она на секунду замерла с ней в руках — раздумывая не о том, стоит ли класть, а о том, готова ли по настоящему держать эту границу дальше первой ночи. Рука не дрогнула.

Она выходит из ванной.

Никита стоит у изножья кровати, глядя на подушки так, будто перед ним развернули какую-то незнакомую конструкцию, которую с ходу не разобрать. Он не шевелится, не оборачивается на звук открывшейся двери — всё его внимание на этой ровной линии посередине.

Вера останавливается в проёме, наблюдая за ним несколько секунд. Плечи у него напряжены, взгляд перебегает с одного края кровати на другой, будто он пытается найти в этой картине хоть какую-то лазейку, объяснение, случайность.

Тогда он поднимает глаза — и видит её.

Что-то в его позе меняется: плечи чуть опускаются, взгляд, только что растерянно скользивший по подушкам, замирает на ней и на секунду задерживается дольше, чем следовало бы. Он открывает рот — но так и не произносит ни звука.

Вера, не глядя на него, проходит к своей половине кровати, откидывает одеяло и ложится, отвернувшись к стене.

Слышно, как он уходит в ванную, принимает душ и возвращается. Какое-то время стоит у кровати, затем ложится.

Свет гаснет. В темноте комнаты повисает тишина — не та привычная, домашняя, а тяжёлая, ощутимая почти физически, будто в воздухе между ними натянули невидимую нить.

Вера слушает его дыхание — сначала неровное, потом медленно выравнивающееся. Она не уверена, спит он или просто лежит так же неподвижно, как она сама, глядя в темноту.

Держать эту стену оказывается куда труднее, чем построить её. Выложить подушки в ряд заняло несколько минут. А вот лежать теперь так — не поворачиваясь, сдерживая порыв придвинуться ближе, — требует сил, которых у неё почти не осталось после этого дня.

Это не месть. Об этом она думает отчётливо, будто отвечая кому-то невидимому, кто мог бы её в этом обвинить. Это единственный способ остаться собой хотя бы до утра.

Она закрывает глаза, так и не повернувшись к нему, и долго ещё слушает в темноте два разных дыхания по разные стороны одной кровати.

Её тиски. Глава 4

Три дня проходят в холодном, вежливом сосуществовании — почти незаметно, если не считать того, что каждый час в этой тишине проползает в черепашьем темпе.

В первое утро после всего случившегося Никита ещё растерянно застыл над плитой, не понимая, куда делся привычный порядок вещей и его завтрак. Сейчас, три дня спустя, он просто молча берётся за сковородку сам — без удивления, с той усталой обречённостью, с которой человек изо дня в день повторяет то, что у него не выходит.

Вера сидит за столом с чашкой кофе и смотрит, как он роняет скорлупу в миску, слишком долго возится с посудой, путается, какую конфорку включать. Она не помогает и не комментирует — просто наблюдает со стороны, без сочувствия, но и без злорадства, как за фактом чужой жизни, которая её больше не касается.

Она поднимается и уходит из кухни в тот момент, когда со сковороды начинает тянуть лёгким дымком — яичница подгорает. Не дожидается развязки.

В своей мастерской она садится за стол и достаёт эскиз — пиджак с необычным воротником и асимметричными рукавами, который придумала совсем недавно, ещё до того, как весь её мир разделился.

Она берёт карандаш и пытается довести деталь до ума. Но линии не идут: воротник, который в голове держал безупречную форму, на бумаге расплзается вбок, рукав съезжает по пропорциям — раз, другой, третий. Она стирает, начинает заново, и снова та же ошибка, будто рука разучилась делать то, что хорошо умела.

После нескольких неудачных попыток приходит понимание: это не случайность и не усталость одного дня — это тупик. Руки не слушаются, потому что голова занята совсем другим, и никакая сила воли не может заставить их работать порознь.

Она комкает лист, потом ещё один — резко, зло, не глядя, что делает. Один за другим летят на пол смятые куски бумаги с недоделанным воротником, недоделанным рукавом, недоделанной мечтой. Это единственное, что она позволяет себе сейчас — не крик, не слёзы, а вот это: рвать бумагу, потому что сказать вслух то, что творится внутри, она не готова даже самой себе.

В дверь стучат. Марина Аркадьевна заходит, окидывает взглядом рассыпанные по полу листы, но ничего не спрашивает — просто садится напротив.

— Ты не можешь сидеть здесь одна, — говорит она мягко, без нажима, как советует старший друг, а не как отдаёт распоряжение. — Тебе нужно выходить, видеть людей. Запираться с одними мыслями — последнее, что сейчас пойдёт на пользу.

Вера молчит, разглядывая смятую бумагу на полу. С этой тихой правотой трудно поспорить, даже если не хочется соглашаться.

Вечером она берёт телефон и пишет Наташе и Кате — предлагает встретиться в кафе на неделе. Отправляет сообщение прежде, чем успевает передумать.

Это немного, всего лишь несколько слов в переписке. Но это первый шаг, который она делает сама.

Её тиски. Глава 5

В кафе шумно и тепло — от смеха, от звона посуды, от голосов Наташи и Кати, перебивающих друг друга. Вера смеётся вместе с ними, впервые за несколько дней не следя за собственным лицом, не проверяя, как оно выглядит со стороны. Здесь легко — так легко, что на секунду забывается, каково сейчас дома, в той тишине, где даже воздух будто плотнее.

Телефон на столе вибрирует. «Ты где?» — от Никиты.

Вера отвечает названием кафе — коротко, без лишних слов. Через минуту приходит ответ: предлагает заехать и забрать её.

Вера смотрит на экран, палец на секунду замирает над кнопкой ответа. Наташа что-то спрашивает про заказ, и это решает дело быстрее любых раздумий — легче согласиться, чем объяснять подругам, почему муж вдруг перестал за ней заезжать.

«Хорошо», — отправляет она.

Через полчаса Никита заходит внутрь. Здравается с Наташей и Катей — легко, обязательно, как умеет только он, — садится рядом с Верой и целует её в щёку, как он делал всегда, когда приезжал за ней. Сердце начинает стучать сильнее обычного. Вере удаётся совладать с собой и убедиться, что никто не заметил её волнения.

Девочки привычно радуются ему, он всегда был душой компании и хорошо шутит. Никита улыбается девочкам ровно настолько тепло, насколько требует роль.

Вера улыбается в ответ, подстраиваясь под тот же тон. Игра начинается сама собой — оба как будто знают правила наизусть, о которых не договаривались.

Никита предлагает развести всех по домам. Вера садится вперёд, Наташа с Катей на заднее сиденье. Когда высаживают Катю последней, та наклоняется к передним сиденьям и с искренним восторгом произносит:

— Какая же вы красивая и гармоничная пара!

Вера вынуждена улыбаться в ответ, украдкой ловя взгляд Никиты рядом с собой — что-то вроде безмолвного соглашения продолжать спектакль ещё чуть-чуть.

Катя выходит, хлопает дверца. Машина трогается — и лёгкость вечера улетучивается разом, будто выключили свет. Никита смотрит вперёд, на дорогу. Вера — в окно. Ни слова.

На середине пути телефон Никиты подаёт сигнал — короткий, специфический звук, который ни с чем не спутать.

Вера знает этот звук. Знает его слишком хорошо для человека, который якобы никогда не задумывался о его значении. Этот сигнал раздавался и раньше — за ужином, поздно вечером, в самые случайные моменты, — и Никита тогда как бы невзначай убирал телефон в карман или отворачивал экран. Она помнит, как каждый раз объясняла себе это работой, поздними звонками с поставщиками, чем угодно, лишь бы не додумывать до конца.

Сейчас додумывать не нужно. Она просто знает.

Никита не смотрит на телефон. Руки остаются на руле, взгляд — на дороге, будто сигнала вовсе не было. Демонстративное неведение — слишком демонстративное, чтобы быть настоящим равнодушием. Не посмотреть — значит уже знать, от кого пришло сообщение, и не хотеть, чтобы она это увидела.

Оставшуюся часть пути они едут молча. Молчание в машине становится гуще, потому что теперь под ним есть имя, которое ни один из них не произносит вслух.

Её тиски. Глава 6

Проходит ещё несколько дней. Стена из подушек стала почти незаметной частью кровати — обывденной, как выключатель света. Новое бельё Вера продолжает носить по вечерам, без демонстрации и без стеснения — просто так теперь есть.

Никита за эти дни стал другим — не в словах, а в мелочах, которые она подмечает мимоходом, не вникая. Он дольше обычного задерживается у двери мастерской, прежде чем пройти мимо. Чаше проверяет телефон и тут же убирает его, будто спохватившись. За ужином иногда замирает с вилкой на полпути, глядя в одну точку, и через секунду встряхивается, будто возвращается откуда-то издалека.

В один из вечеров он предупреждает, что задержится на деловом ужине, и уезжает. Дом остаётся пустым — огромным, гулким, с бесконечными комнатами, в которых нечем занять голову. Вера пытается читать, потом рисовать, потом просто сидит — и понимает, что тишина сегодня невыносима по-новому, будто накопилась критическая масса одиночества.

Она переодевается и едет в город.

Бар выбирает первый попавшийся — не важно, какой именно, важно, что там есть люди, свет, музыка, хоть что-то живое вокруг. Один бокал, потом другой — без намерения напиться, просто потому что вино притупляет мысли, которые весь вечер настойчиво лезут в голову, и снимает напряжение. К третьему бокалу мужчина за соседним столиком делает попытку заговорить и подсесть — она вежливо, но твёрдо отказывает, и от этого одиночество ощущается еще острее, потому что хранит верность тому, кому не нужна.

Дальше вечер смазывается — она не помнит, как выходила из бара, как садилась в такси, что говорила водителю.

Поздно ночью домофон у ворот дома надывается долго и настойчиво. Никита выходит — второпях, без куртки, несмотря на прохладу, — водитель такси стоит у машины, взвинченный, показывает рукой на заднее сиденье:

— Пассажирка отказывается выходить. Я уже не знаю, что делать.

Из машины доносится голос — надрывный, пьяный, срывающийся:

— Я не пойду туда! Я там никому не нужна!

Никита рывком открывает дверь. Несколько долгих секунд он просто смотрит на неё — растрёпанную, в съехавшем набок платье, с размазанной тушью, — будто не сразу узнаёт в этом человеке свою жену. Потом протягивает руку.

Вера поднимает на него глаза — и лицо её вдруг светлеет, по-детски, искренне, будто вся выстроенная за эти дни броня осыпается разом при виде его. Она пытается выбраться сама, хватается за дверцу, шатается — и он подхватывает её за секунду до того, как она теряет равновесие окончательно.

— Где ты была?! Почему ты в таком состоянии?! — в голосе чувствуется волнение. — И где твой телефон? Ты видела, что я тебе писал и звонил?

Вера поднимает на него мутный взгляд, кривит губы в горькой усмешке:

— А на каком основании ты вообще у меня это спрашиваешь?

— Вообще-то ты моя жена!

Она начинает смеяться — резко, некрасиво, сквозь подступающие слёзы, запрокинув голову:

— Жена?.. Нет. Я никогда ею не была.

Смех обрывается так же внезапно, как начался. Тело обмякает у него в руках — сразу, будто выключили питание. Слишком много всего разом: алкоголь, ночь, слова, которые она столько дней держала при себе.

Никита успевает подхватить её раньше, чем она оседает на асфальт. Поднимает на руки — легко, будто она ничего не весит, — и несёт домой.

Её тиски. Глава 7

Вера просыпается с тяжёлой, будто налитой свинцом головой. Первое, что она видит, — прикроватный столик: стакан воды, таблетка рядом, и записка, написанная его почерком: «Выпей сразу, как проснёшься. Станет легче».

Никиты уже нет — уехал на работу. Она лежит несколько минут, глядя в потолок, и чувствует что-то похожее на облегчение: не придётся сталкиваться взглядом, не придётся ничего объяснять или, того хуже, вспоминать вслух, что именно она наговорила вчера у ворот.

Днём приходит сообщение: «Как ты себя чувствуешь?»

Она отвечает коротко: «Спасибо, лучше».

Проходит ещё несколько дней. Жизнь возвращается в привычное русло — стена из подушек на месте, тепла между ними не прибавилось, но и открытых столкновений тоже нет. Вежливое, отработанное сосуществование, в котором оба знают свои роли назубок.

За завтраком Никита, не поднимая глаз от телефона, сообщает:

— Самойловы пригласили нас с ночёвкой в их загородный дом. Отказаться нельзя — нужно ехать вдвоём, иначе будут лишние вопросы, а потом разговоры в офисе.

Вера коротко кивает. Ситуация действительно безвыходная — да и играть роль на людях они уже успели отработать.

Вечером, в гостях, после ужина и нескольких застольных игр компания давно знакомых пар за бокалом вина затевает старую игру: карточки с вопросами, и за каждый неверный ответ — страстный поцелуй на глазах у всех, под общий смех и одобрительные возгласы.

Первые несколько карточек Вера и Никита отвечают правильно — и оба, кажется, испытывают одинаковое облегчение от того, что не придётся играть на публику всерьёз.

Потом начинаются ошибки.

Первая — на вопросе про любимый десерт Веры. Никита называет что-то совершенно не то, и компания тут же взрывается смехом, требуя расплаты по правилам игры. Все взгляды обращаются на них. Вера чувствует, как жар приливает к щекам — не от самого вопроса, а от того, что сейчас, у всех на виду, придётся коснуться его губами. Никита наклоняется — коротко, почти невесомо касается её губ под одобрительные возгласы гостей. Поцелуй длится едва ли секунду, но сердце у неё колотится так, будто она пробежала лестничный пролёт. Она отстраняется первой, не глядя на него, тянется за бокалом, лишь бы занять руки.

Следующий вопрос задаётся Вере, и она верно отвечает про его любимый аромат духов.

— А мне кажется, вы нарочно ошибаетесь — чтобы подольше друг друга не отпускать, — со смехом бросает Лилия Самойлова, оглядывая компанию. — Ребята, вам явно не хватает времени наедине — вам бы почаще уединяться!

Все, переглядываясь, улыбаются. Никита и Вера вынужденно улыбаются тоже, но не смотрят друг на друга.

Потом снова он и снова его ошибка. На этот раз пауза перед поцелуем чуть дольше: он смотрит на неё, будто спрашивая молчаливого разрешения. Вера, вместо того чтобы отвернуться, остаётся на месте. Поцелуй в этот раз длится дольше первого, и ей кажется, что в комнате становится тише — хотя гости по-прежнему шутят и подначивают.

Вера ловит себя на подозрении, которое становится всё труднее отогнать: неужели Никита нарочно отвечает неправильно? Слишком уж вовремя и слишком часто он «путается» именно в тех вопросах, на которые он должен знать ответ.

Очередная ошибка — и комната взрывается смехом и криками «Целуйтесь!». Никита притягивает её к себе, и то, что должно было остаться формальностью, данью правилам игры, вдруг перестаёт быть игрой вовсе. Поцелуй затягивается — жадный, настоящий, — и оба забывают, где находятся и сколько прошло времени.

Когда Вера наконец приходит в себя, комната уже совершенно пуста. Гости — тактично, кто посмеиваясь, кто украдкой — разошлись по другим помещениям дома, оставив их одних.

И тут же, разом, возвращается всё: его слова отцу, подушки посреди кровати, особый сигнал сообщения из его телефона. Фальшь этого поцелуя, даже такого сладкого, вдруг становится невыносимой. Вера резко отстраняется, отталкивает его руки и уходит — быстро, не оборачиваясь — в комнату, которую им выделили на ночь.

Никита идёт следом. Входит без стука, закрывает за собой дверь.

— Вера... — он подходит к ней ближе. В глазах читается желание.

Она делает шаг назад от него, но он берёт её за руку и пытается притянуть её к себе обратно.

— Вера... — шепчет он снова, пытаясь поцеловать её в шею.

— Не надо, — обрывает она, отступая на шаг. — Если ты хочешь взять меня силой, то ты должен понимать, что я не получу от этого никакого удовольствия. Я не могу заниматься любовью с тем, кто любит другую.

Слова падают в комнату, как ледяная вода. Никита застывает — что-то в его лице меняется, гаснет. Он молчит, разворачивается и выходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Вера остаётся одна. Ложится, не раздеваясь до конца, и долго смотрит в темноту чужой спальни, слыша, как в других комнатах смеются и разговаривают счастливые друзья. Никита не пришёл спать в их комнату в эту ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.